

ПРИМЕНИМОСТЬ ПРОЦЕДУРЫ АРБ-МЕД-АРБ В СТРАНАХ СНГ

Исаева Севинч Ойбек кизи

Магистрант по направлению «Международный
арбитраж и разрешение споров» Университета мировой
экономики и дипломатии

ARTICLE INFO:

Received: 10.10.2026

Revised: 11.10.2026

Accepted: 12.10.2026

KEY WORDS:

Uzbek poetry, flower
names, occasional
semantics, poetic
language, contextual
meaning, metaphor,
symbolism,
linguopoetics.

ABSTRACT

This article examines the occasional semantics of flower names in modern Uzbek poetry from a linguistic and linguopoetic perspective. Flower names such as gul (flower), lola (tulip), atirgul (rose), binafsha (violet), nilufar (water lily), and rayhon (basil) are analyzed in terms of their contextual and figurative meanings. The study demonstrates that these lexical units frequently acquire meanings that extend beyond their direct nominative meanings. In poetic contexts, flower names may symbolize beauty, love, femininity, youth, purity, longing, memory, and emotional experience. The research applies semantic, contextual, and linguopoetic methods to identify the mechanisms of semantic transformation.

Развитие гибридных процедур альтернативного разрешения споров в странах Содружества Независимых Государств представляет собой сравнительно новое направление правового регулирования, которое формируется под влиянием международной арбитражной практики, прежде всего опыта Сингапура, Гонконга и Китая. Несмотря на то, что классические формы арбитража и медиации уже получили нормативное закрепление в большинстве государств СНГ, процедура арб-мед-арб как самостоятельный комплексный механизм до настоящего времени остается недостаточно урегулированной и применяется преимущественно на доктринальном и институциональном уровнях.

Главной особенностью правового пространства государств СНГ является отсутствие специальных законодательных актов, прямо регулирующих процедуру арб-мед-арб. Как правило, национальные законодательства содержат отдельные нормы об арбитраже и медиации, однако не предусматривают их последовательной интеграции в рамках единой процедуры. Это создает правовую неопределенность в вопросах допустимости совмещения ролей арбитра и медиатора, правового статуса медиативного соглашения, порядка его трансформации в арбитражное решение, а также последующего признания и исполнения.

В Российской Федерации нормативную основу альтернативного разрешения споров составляют Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» 2015 года²⁷ и Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» 2010 года²⁸. Несмотря на наличие развитой нормативной базы для арбитража и медиации по отдельности, специального регулирования процедуры арб- мед-арб российское законодательство не содержит.

Вместе с тем в российской научной доктрине данная тема активно развивается. Ю.Н. Муллина отмечает, что арб-мед-арб представляет собой перспективный механизм для международного коммерческого арбитража, особенно в спорах с иностранным элементом, где стороны заинтересованы не только в юридической защите, но и в сохранении коммерческих отношений²⁹. По мнению автора, отсутствие прямого законодательного регулирования не исключает допустимости применения процедуры на основе принципа автономии воли сторон и диспозитивного характера частноправовых отношений. Практика российских арбитражных учреждений также постепенно демонстрирует интерес к гибридным процедурам. Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (МКАС при ТПП РФ) допускает возможность заключения мирового соглашения в ходе арбитражного разбирательства и его последующего оформления в виде арбитражного решения на согласованных условиях. Хотя формально это не является классическим арб-мед-арб, по своей правовой природе данный механизм близок к сингапурской модели consent award.

Особое внимание в российской практике уделяется вопросу допустимости участия одного и того же лица в качестве арбитра и медиатора. Российская доктрина преимущественно относится к данной модели с осторожностью. Е.А. Гурьева указывает, что совмещение функций может привести к нарушению принципов impartiality и due

²⁷ Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. No 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. No 1 (ч. I). Ст. 2.

²⁸ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. No 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. 2010. No 31. Ст. 4162.

²⁹ Муллина Ю.Н. Арб-мед-арб как перспективная модель разрешения международных коммерческих споров // Вестник гражданского процесса. 2020. No 4. С. 88–96.

process, особенно если информация, полученная в ходе конфиденциальной медиации, впоследствии влияет на арбитражное решение. В связи с этим большинство исследователей поддерживают модель институционального разделения ролей³⁰.

В Республике Казахстан развитие альтернативных способов разрешения споров происходит достаточно активно, особенно в коммерческой сфере. Закон Республики Казахстан «О медиации» 2011 года³¹ и Закон «Об арбитраже» 2016 года³² создали нормативную основу для применения как внутреннего, так и международного арбитража. При этом казахстанская практика демонстрирует заметный интерес к комбинированным процедурам med-arb и arb-med.

К.К. Сабиров отмечает, что в условиях растущего числа международных коммерческих споров в Центральной Азии внедрение гибридных процедур может существенно повысить инвестиционную привлекательность региона³³. Особенно это актуально для крупных инфраструктурных проектов, энергетических контрактов и инвестиционных соглашений, где сторонам важно сохранить долгосрочное сотрудничество даже после возникновения конфликта.

В Казахстане также обсуждается вопрос допустимости совмещения ролей арбитра и медиатора. Часть практиков поддерживает китайскую модель с участием одного нейтрального лица, ссылаясь на экономию времени и расходов, однако преобладающая позиция все же склоняется к сингапурскому подходу с разделением функций. Это объясняется стремлением обеспечить доверие иностранных инвесторов к процедурам разрешения споров.

В Республике Беларусь нормативная база альтернативного разрешения споров также развивается последовательно. Закон Республики Беларусь «О медиации» 2013 года³⁴ и законодательство о международном арбитраже создают предпосылки для использования гибридных процедур, хотя прямого регулирования арб-мед-арб не существует. Белорусская научная школа рассматривает данный механизм преимущественно как перспективное направление модернизации ADR-системы.

В трудах В.И. Самирина подчеркивается, что гибридные процедуры особенно эффективны в коммерческих спорах, где стороны заинтересованы не только в правовом результате, но и в сохранении партнерских отношений. Белорусская практика в целом

³⁰ Гурьева Е.А. Совмещение функций арбитра и медиатора: проблемы беспристрастности // Третейский суд. 2019. No 3. С. 42–50.

³¹ Закон Республики Казахстан от 28 января 2011 года No 401-IV «О медиации» // Казахстанская правда. 5 февраля 2011 г. No 43–44 (26464–26465).

³² Закон Республики Казахстан от 8 апреля 2016 года No 488-V ЗПК «Об арбитраже» // Казахстанская правда. 12 апреля 2016 г. No 69 (28295).

³³ Сабиров К.К. Альтернативное разрешение международных коммерческих споров в Центральной Азии // Право и государство. 2021. No 2. С. 115–123.

³⁴ Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. No 58-З «О медиации» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 23 июля 2013 г. No 2/2056.

ориентируется на европейский подход с жестким соблюдением процессуальных гарантий и ограничением совмещения ролей³⁵.

В Кыргызской Республике и Республике Таджикистан арб-мед-арб пока не получил заметного институционального развития, что связано с относительно ранней стадией формирования самих институтов медиации и международного коммерческого арбитража. Тем не менее в научной литературе уже подчеркивается необходимость заимствования успешных зарубежных моделей, особенно в контексте развития инвестиционного климата и защиты прав иностранных инвесторов.

Особого внимания заслуживает анализ применимости процедуры арб-мед-арб в Республике Узбекистан. В последние годы в стране проводится масштабная судебноп-правовая реформа, направленная на развитие альтернативных способов разрешения споров, повышение инвестиционной привлекательности и снижение нагрузки на государственную судебную систему. Именно в этом контексте арб-мед-арб приобретает особую актуальность.

Нормативную основу составляют Закон Республики Узбекистан «О международном коммерческом арбитраже» 2021 года³⁶, Закон Республики Узбекистан «О третейских судах» 2006 года³⁷ и Закон Республики Узбекистан «О медиации» 2018 года³⁸. Указанные акты создают самостоятельную правовую базу для функционирования арбитража и медиации, однако прямого регулирования процедуры арб-мед-арб в национальном законодательстве пока не предусмотрено.

Закон «О медиации» закрепляет основные принципы добровольности, конфиденциальности, равноправия сторон и независимости медиатора. Закон о международном коммерческом арбитраже, в свою очередь, предусматривает возможность прекращения арбитражного разбирательства в случае заключения сторонами мирового соглашения, а также возможность вынесения решения на согласованных условиях. Именно эта норма создает правовую основу для потенциального применения модели арб-мед-арб по аналогии Протокола SIAC–SIMC.

Отечественные исследователи справедливо указывают на высокий потенциал внедрения данной процедуры в узбекскую правовую систему. М. Якубова подчеркивает, что в инвестиционных спорах с участием иностранных инвесторов особенно важны

³⁵ Самирин В.И., Мороз О.В., Авдей А.Г. и др. Основы альтернативного разрешения споров. Минск: БГУ, 2016. С. 188–195.

³⁶ Закон Республики Узбекистан от 16 февраля 2021 г. No ЗРУ-674 «О международном коммерческом арбитраже» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан, 17.02.2021 г., No 03/21/674/0126 (ст. 4, 27, 30).

³⁷ Закон Республики Узбекистан от 16 октября 2006 г. No ЗРУ-64 «О третейских судах» // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2006. No 42. Ст. 405 (ст. 10, 24, 31).

³⁸ Закон Республики Узбекистан от 3 июля 2018 г. No ЗРУ-482 «О медиации» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан, 04.07.2018 г., No 03/18/482/1456 (ст. 4, 5, 18, 25).

механизмы, сочетающие международную исполнимость и возможность сохранения деловых отношений. Именно арб-мед-арб способен обеспечить такой баланс³⁹.

А. Хайруллина отмечает, что медиация в Узбекистане пока еще не достигла уровня институционального доверия, характерного для Сингапура или Великобритании, однако постепенное развитие судебной практики и профессионального медиаторского сообщества создает благоприятные предпосылки для внедрения гибридных процедур⁶. При этом автор указывает на необходимость специального нормативного регулирования именно процедуры арб-мед-арб, а не только отдельных ее элементов⁴⁰.

Ф. Ибратова обращает внимание на проблему исполнения медиативных соглашений в трансграничных коммерческих спорах. В условиях отсутствия полноценного механизма международного признания медиативных соглашений оформление достигнутого урегулирования в виде *arbitral consent award* представляется наиболее практичным решением. Это особенно важно для внешнеэкономических контрактов с участием иностранных компаний⁴¹.

Следует отметить, что Узбекистан пока не присоединился к Сингапурской конвенции о медиации 2019 года, что ограничивает возможности прямого международного исполнения медиативных соглашений. В этой связи именно модель арб-мед-арб может выступать эффективным компенсаторным механизмом за счет использования Нью-Йоркской конвенции 1958 года и института согласительного арбитражного решения.

Особое значение имеет деятельность Ташкентского международного арбитражного центра (ТИАС), созданного при Торгово-промышленной палате Республики Узбекистан. ТИАС уже позиционируется как современная международная площадка для разрешения коммерческих споров и ориентируется на лучшие зарубежные стандарты. В перспективе именно данный институт может стать основной платформой для внедрения модели арб-мед-арб по примеру SIAC–SIMC.

Практическая реализация процедуры в Узбекистане требует решения ряда ключевых вопросов. Во-первых, необходимо нормативно определить допустимость совмещения или разделения ролей арбитра и медиатора. С учетом международной практики и необходимости защиты доверия инвесторов более предпочтительной представляется модель с участием разных лиц. Во-вторых, требуется урегулирование порядка преобразования медиативного соглашения в арбитражное решение на согласованных условиях. В-третьих, необходимы институциональные механизмы взаимодействия между арбитражными центрами и медиационными учреждениями.

³⁹ Yakubova M. Analyses of ADR in Investment Dispute Resolution // JournalNX. 2021. Vol. 7. Issue 2. P. 317– 320.

⁴⁰ Khayrulina A. Application of Some Alternative Dispute Resolution Methods in Uzbekistan // Innovative Achievements in Science. 2023. Vol. 2. No. 16. P. 42–47.

⁴¹ Ibratova F. Mediation as an Alternative Method of Dispute Resolution // Galaxy International Interdisciplinary Research Journal. 2022. Vol. 10. No. 11. P. 61–66.

Кроме того, важным условием успешного внедрения арб-мед-арб является формирование профессионального корпуса медиаторов и арбитров, обладающих опытом ведения международных коммерческих споров. Без развитой профессиональной среды даже наличие формального законодательства не обеспечит реальной эффективности процедуры.

Таким образом, анализ практики стран СНГ показывает, что процедура арб-мед-арб находится на стадии постепенного формирования и пока не получила полноценного самостоятельного регулирования. Наиболее развитые предпосылки наблюдаются в России, Казахстане и Беларуси, где уже существует устойчивая арбитражная и медиативная инфраструктура. Однако даже там процедура в основном применяется через договорные конструкции и институциональные механизмы, а не через прямое законодательное закрепление.

Для Республики Узбекистан внедрение арб-мед-арб представляет собой особенно перспективное направление развития системы альтернативного разрешения споров. Наличие современной арбитражной реформы, развитие международного коммерческого арбитража, формирование ТИАС и стремление государства к повышению инвестиционной привлекательности создают благоприятную основу для имплементации данной модели. Вместе с тем полноценная реализация требует специального правового регулирования, институциональной координации и адаптации лучших зарубежных практик с учетом особенностей национальной правовой системы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты и международные документы

1. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4162.
2. Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 2.
3. Закон Республики Казахстан от 28 января 2011 года № 401-IV «О медиации» // Казахстанская правда. 2011. 5 февраля. № 43–44 (26464–26465).
4. Закон Республики Казахстан от 8 апреля 2016 года № 488-V ЗРК «Об арбитраже» // Казахстанская правда. 2016. 12 апреля. № 69 (28295).
5. Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2013. 23 июля. № 2/2056.

6. Закон Республики Узбекистан от 16 октября 2006 г. № ЗРУ-64 «О третейских судах» // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2006. № 42. Ст. 405.

7. Закон Республики Узбекистан от 3 июля 2018 г. № ЗРУ-482 «О медиации» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. 2018. 4 июля. № 03/18/482/1456.

8. Закон Республики Узбекистан от 16 февраля 2021 г. № ЗРУ-674 «О международном коммерческом арбитраже» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. 2021. 17 февраля. № 03/21/674/0126.

9. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.).

10. Конвенция Организации Объединенных Наций о международных соглашениях об урегулировании споров, достигнутых в результате медиации (Сингапурская конвенция о медиации), 2019 г.

Научная литература

11. Гурьева Е. А. Совмещение функций арбитра и медиатора: проблемы беспристрастности // Третейский суд. 2019. № 3. С. 42–50.

12. Муллина Ю. Н. Арб-мед-арб как перспективная модель разрешения международных коммерческих споров // Вестник гражданского процесса. 2020. № 4. С. 88–96.

13. Сабилов К. К. Альтернативное разрешение международных коммерческих споров в Центральной Азии // Право и государство. 2021. № 2. С. 115–123.

14. Самирин В. И., Мороз О. В., Авдей А. Г. и др. Основы альтернативного разрешения споров. Минск: БГУ, 2016. С. 188–195.

15. Yakubova M. Analyses of ADR in Investment Dispute Resolution // JournalNX. 2021. Vol. 7. Issue 2. P. 317–320.

16. Khayrulina A. Application of Some Alternative Dispute Resolution Methods in Uzbekistan // Innovative Achievements in Science. 2023. Vol. 2. No. 16. P. 42–47.

17. Ibratova F. Mediation as an Alternative Method of Dispute Resolution // Galaxy International Interdisciplinary Research Journal. 2022. Vol. 10. No. 11. P. 61–66